

Искания представителей хроматической школы вызывались потребностью полнее и красочнее отразить все богатство человеческих чувствований. Для церковников хроматизмы были «обольстительной прелестью». Для венецианской школы после Вичентино характерно внимание к тембру звуков, т. е. к самому чувственному звучанию, как таковому. Андреа и Джованни Габриели разделяют хор на два или несколько хоров и достигают необычайных эффектов контрастным сопоставлением высоких и низких голосов, перекликающихся друг с другом. Колоритность голосовых тембров, богатство звуковых масс, инструментальных звучностей — все это роднит представителей венецианской музыкальной школы с величайшими венецианскими живописцами, мастерами колорита.

Искусство Возрождения, как и вся культура этого времени, развивалось в сложных условиях борьбы нового мировоззрения — мировоззрения молодой буржуазии с мировоззрением феодальным. Поэтому рассматривать общий ход развития искусства Западной Европы XIV—XVI вв. как равномерное поступательное движение, разумеется, нельзя. В искусстве, как и в других областях культурной жизни этой эпохи, наблюдаются периоды прогресса и периоды упадка, которые делают всю эту эпоху чрезвычайно сложной и богатой противоречиями. Рассматривая, однако, процесс художественной жизни Ренессанса в целом, можно выделить основные течения, которые имеют настолько ярко выраженный прогрессивный характер, что приведенные выше слова Энгельса, характеризующие Ренессанс как «величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством», в полной мере оправдываются историей развития искусства, как они оправдываются и развитием других сторон культурной жизни западноевропейского общества XIV—XVI вв.

§ 4

Перемены в быте и нравах общества эпохи Возрождения. Положение основных общественных классов. Новые черты придворного быта. Роскошь при дворе и в жизни богатого буржуа. Показной характер роскоши. Рост значения художников и поэтов. Жажда славы через увековечение в литературе и литературный шантаж. Шуты. Перемены в общественном положении женщины. Изабелла д'Эсте, Маргарита Наваррская. Увлечение теориями любви. Перемены в мужской и женской одежде и возникновение быстро сменяющейся моды. Борьба против роскоши в одежде. Заботы о наружности (косметика и пр.) и пренебрежение гигиеной.

Глубокие изменения в экономике, политическом строе и идеологии передовых стран Европы в XIV—XVI вв. не могли не отразиться на бытовой стороне жизни. Изменения в быту, порожденные в первую очередь социальными и экономическими сдвигами, сказываются в самых разных областях и приводят к тому, что весь облик жизни, созданный предшествующими столетиями, меняется. Происходит перемещение в роли и положении дворянина и горожанина; появляются новые профессии, новые своеобразные черты в образе жизни и нравах.

Дворянин беднеет, его социальное положение, роль его в государстве умалется. Что касается богатого бюргера, то он еще не всюду чувствует себя хозяином в политической области, зато почти повсеместно занимает решающее положение в сфере экономической. Он полон собственного достоинства и ненасытного стремления к дальнейшему обогащению, к наиболее удобному и эффектному оформлению своей жизни. Только положение крестьянина изменяется сравнительно мало, несмотря на ослабление, а часто и уничтожение крепостной зависимости: изменились лишь формы эксплуатации, но гнет землевладельца нового типа мало отличается

от гнета помещика-дворянина. Наконец, городские ремесленники, рабочие, городские деклассированные элементы — плебейство — выделяют в некоторых, наиболее развитых промышленных городах из своей среды зачатки будущего пролетариата; этот предпролетариат не успел еще оформиться и поэтому вносит очень мало своих специфических черт в общую картину бытовой жизни этого переходного периода.

Явлением, которое особенно бросается в глаза при характеристике общественного быта этого периода, надо считать связанное с общей переоценкой ценностей глубокое падение интереса к вопросам этическим, вопросам морали, являвшимся основным стержнем всей жизни предшествующей эпохи, замену этих вопросов вопросами либо эстетическими, либо чисто практическими, соображениями выгоды, удобства, пользы. В связи с этим, с одной стороны, выделяется большая роль, которую играет искусство, с другой стороны — рассудочный, можно сказать, бухгалтерский подход к ряду важнейших явлений и моментов жизни.

Не меньше влияния на быт оказывает гуманистическая литература с ее преклонением перед античностью. Особенно ярко это сказывается в изменениях придворного быта. Итальянские правители и тираны XV в. задают тон, в XVI в. за ними тянутся и им подражают государи других стран.

Подражание римским императорам, их щедрости, пышности и расточительству вызывает колоссальный рост расходов на содержание княжеских и королевских дворов. От этой пышности и расточительства правителей не желают отставать представители знати. Громадное, ранее невиданное внимание уделяется декоративной стороне, причем обязательным является щеголяние возможно большим богатством и роскошью. Чем хуже положение государственной или частной казны, чем более растут долги, чем более задавлены крестьяне непосильными податями и налогами, тем более роскошными делаются приемы, выезды, турниры. Вот как описывает анонимный современник торжественный выезд одного из участников турнира, устроенного в 1468 г. во Флоренции правителем города Лоренцо Медичи.

«Десятым выехал в поле Бенедетто д'Антонио Салутати. Шесть трубачей, одетых в панцири, поверх которых оденяны из тафты с галунами и бахромой вокруг... Один паж на коне, одетый в куртку фиолетового бархата, поверх нее короткий плащ из блестящего пунцового шелка и матовой золотой парчи. На тулье большая брошь с балассами, бриллиантами и жемчугами, ценою в 3 тыс. дукатов. 12 юношей на конях со шлемами на головах. На шлемах

вуали и перья его цветов. Одеты же юноши были в куртки из фиолетового шелка с вышивкой на одном рукаве из жемчужин, числом 350, стоимостью по 3 на дукат... Один паж на коне в куртке, покрытой серебряной чешуей и вышитой белым и позолоченным серебром в подражание древнему панцирю с поножами... Доспех на названном паже — до земли... И весил этот доспех 168 фунтов серебра, по цене 16 дукатов за фунт. Его особа на коне. Воору-

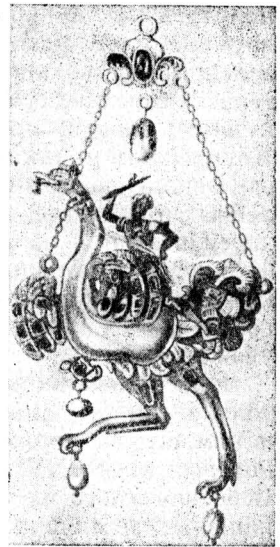
Золотая солонка работы Бенвенутто Челлини

женный, с прорезной одеждой на плечах из фиолетового бархата, вышитой полосами жемчужин. Кроме того, нашито на ней было от 80 до 100 бриллиантов, оправленных в золото и висящих на серебряных цепочках, по цене каждый приблизительно 12 дукатов. На голове у него была надпись из девяти букв, вышитых жемчужинами в количестве 98, и ценою каждая 38 дукатов и в середине драгоценность с балассами, бриллиантами, жемчугами и другими камнями ценою в 8 тыс. дукатов. И на груди имел он щит, весь покрытый тонким золотом, в середине него сфера, сделанная из жемчужин, и ими же был украшен край щита. Каждая жемчужина от 4 до 6 унций по цене 5 дукатов унция, и с этим щитом он сражался, так что все названные жемчужины пропали...»

Этот отрывок красочно обрисовывает особенности быта высших слоев общества. В буржуазной Флоренции частный гражданин, и притом не дворянин, тратит несколько тысяч дукатов только на то, чтобы проехать по городу в торжественной процессии, похвастать своим богатством. Характерно для буржуазной обстановки Флоренции, что восхищенный очевидец процессии не забывает указать точную цену каждого предмета, упомянуть о том, какая судьба его постигла, и вообще строит свое описание в точном соответствии с правилами бухгалтерской описи.

Любовь к внешней эффектности теснейшим образом была связана с широким развитием меценатства, финансовой поддержкой писателей, философов, художников, архитекторов, становящейся обязательной не только для государя, но для всякого частного лица, претендующего на роль и значение в обществе. Даже столь экономный и расчетливый правитель, как Козимо Медичи Старший, не жалеет средств на содержание множества архитекторов и художников. Другие же государи, не выросшие, как Козимо, за бухгалтерской книгой, доходят в этом направлении почти до абсурда. Так, Франциск I французский, тративший на развлечения и церемониал почти треть государственного дохода, устраивает настоящую охоту на знаменитостей, в первую очередь итальянских, и когда ему удается заполучить к себе такую величину, как Леонардо да Винчи, содержит его с царской пышностью.

Художники, поэты, музыканты, приносят кормящему их меценату славу, а стремление к славе у современников и потомков охватывает всю верхушку общества. Стремление к славе рождает новое отношение к своей деятельности в среде писателей, художников; они начинают понимать свое значение в обществе. Раньше писатель, чтобы прокормиться, должен был

Женское украшение XVI в.

Женское украшение XVI в.

получить какую-нибудь должность; теперь же его назначение — раздавать славу. Он знает это и, используя свое положение, выставляет определенные требования морального или, чаще всего, материального характера. К середине XVI в. появляются даже настоящие шантажисты и спекулянты славой, предки современных буржуазных желтых журналистов. Крупнейшим из таких авантюристов пера был итальянец Пьетро Аретино, сделавший своей профессией писание и широкое распространение хвалебных или ругательных писем, при помощи которых он вымогал у государей и влиятельных лиц всей Европы щедрые подарки. Император Карл V, французский король Франциск I, английский король Генрих VIII выплачивали ему настоящую дань, и Аретино, прозвавший себя сам «бичом государей», жил спокойно и роскошно, окруженный всеобщим страхом и уважением.

Если художников, музыкантов и писателей щедрые меценаты содержали только для рекламы, то для собственного удовольствия они добавляли к ним шутов, карликов, уродов, присяжных остряков и льстецов, для которых конец XV и начало XVI в. были эпохой настоящего расцвета. Особенно много их было при папском дворе, превратившемся в один из наиболее веселящихся, расточительных и роскошных дворов Европы. Леонардо да Винчи, часто нуждавшийся в деньгах, в это время уже прославленный во всем мире живописец, смог добиться кратковременной материальной поддержки папского двора не как художник, а как устроитель всякого рода забавных фокусов, вроде летающих ящериц и раздувающих кишков.

Любовь к шутам и пустым развлечениям отнюдь не была, однако, монополией папского двора. При французском дворе мы постоянно видим шутов, иногда играющих весьма видную роль не только в развлечениях, но и в политических делах королей. Трибуллэ, придворный шут Франциска I, прообраз оперного Риголетто, или шут Генриха II Брюско были ближайшими людьми обоих королей, с которыми они часто делили и весьма сомнительные увеселения, и боевые и дипломатические тревоги.

Если развитие меценатства и связанных с ним явлений паразитизма несомненно является одной из темных сторон общественного быта XVI в., то этот быт имеет в себе и ряд черт, могущих быть расцененными положительно. Первой и наиболее яркой из таких черт является изменение роли женщины во всей общественной и частной жизни. Классическое средневековье знало только женщину-хозяйку или женщину—предмет абстрактного мистического преклонения. Возрождение создает новый тип женщины — образованной, хорошо знающей классические языки, следящей за литературой, собирающей произведения искусства. Этот новый тип женщины появляется в первую очередь в Италии XV в., в привилегированных буржуазных верхах ее богатых городов.

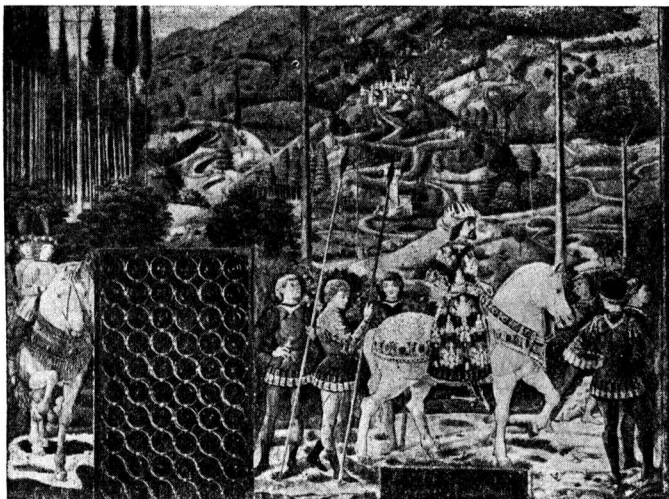
Увлечение античной литературой и латинским языком, характерное для XV в., сменяется или, вернее, дополняется в конце этого века и в первой половине следующего увлечением искусством, поэзией, философией, той легкой светской философией, которая получает широкое распространение при дворах XVI в. Самой крупной представительницей этого направления является мантуанская герцогиня Изабелла д'Эсте. Изабелла с молодых лет слыла законодательницей мод, примером изысканного вкуса и утонченности. Ее дорогим, усыпанным драгоценностями платьям подражала вся Италия и даже Европа; коллекции картин, статуй, драгоценностей, собранные в отведенных ей комнатах сурового Мантуанского дворца, составляли предмет удивления знатоков. Агенты ее беспрепятственно надоедали всем виднейшим художникам срочными, плохо оплачиваемыми заказами. Облик ее запечатлен карандашом Леонардо да Винчи и кистью Тициана, а сама она — беспокойная, суетная, болтливая, но умная,

прекрасно разбирающаяся как в искусстве, так и в сложной политической обстановке — разъезжает по Италии, хвастаясь и под шумок устраивая дела своего небольшого государства вместо неспособного мужа.

Тип ученой или широко образованной женщины из Италии переходит в другие страны. Так, во Франции блестящей представительницей этого типа была Маргарита, королева Наваррская. Изучившая итальянский, испанский, латинский, греческий и даже, как утверждают современники, еврейский язык, получившая законченное гуманистическое образование, Маргарита не только стала центром вольнодумного, прогрессивно настроенного кружка французской интеллигенции, но и сама выпустила ряд литературных произведений в прозе и стихах. Самым замечательным из них является сборник новелл «Гептамерон».

Изменение общественной роли и бытового облика женщины привилегированных слоев оказывается теснейшим образом связанным с весьма своеобразным явлением: с увлечением теоретическими рассуждениями о природе и разновидностях любви. Литература по «теории» любви в виде трактатов, диалогов, стихотворений, выходящих в свет в это время, поистине громадна. Пишут все — философы и врачи, писатели и придворные, духовные лица и куртизанки. Рассуждения о любви, используя модные в это время элементы философии платонизма и особенно неоплатонизма, создают на базе теории любви, рассматриваемой как универсальная сила, некую светскую религию, не противоречащую христианству (ибо христианский бог есть любовь, говорят теоретики XV—XVI вв.), но практически подменяющую его учением легко понятным, утонченным и светским. Вместе с тем в трудах теоретиков любви вырабатывается целый кодекс представлений, образов, навыков, терминологии, относящихся к чувственной, человеческой любви. Любовь эта, как некогда в лирике трубадуров, но на совершенно другой основе, идеализируется, обволакивается пеленой возвышенных, нередко фальшивых чувств и выражений, как бы поднимается на пьедестал. Создается тот арсенал образов, связанных с любовными переживаниями, который затем будет передан ряду веков и не полностью исчез в настоящее время.

Изменение роли женщины в высших слоях общества, создание новых представлений о красивом отразились и на внешнем облике людей—на их costume и манерах. Обычно изменения в одежде происходят очень медленно, почти незаметно, но середина XIV в. пережила в этом отношении переворот столь резкий и радикальный, что наблюдательные современники в самых различных углах Европы заметили его. Как мужское, так и женское платье теперь более подчеркивает очертание тела, теряет свойственную средневековую широту и торжественность, делается

Беночцо Гоццоли. Шествие королей магов.
Итальянская фреска XV в.

гибче, цветистее, человечнее. Та же победа человеческого, «гуманистического», над церковным, схоластическим, которую мы отмечали в сфере искусства, проявляется с не меньшей яркостью и в сфере одежды.

В мужском костюме это сказывается в первую очередь в замене широкой и длинной верхней одежды короткой, тесной курточкой, только немного ниже пояса соединяющейся с плотно охватывающими ноги чулками-штанами, причем как то, так и другое получает чрезвычайно яркую, иногда пеструю расцветку — полосатые или шахматные чулки, нередко одна нога одного цвета, другая — другого, при куртке третьего цвета, широкое применение шелков, бархата, парчи самых блестящих и контрастных расцветок. Все это превращает мужской богатый костюм того времени в чрезвычайно парадное, дорогое, но достаточно неудобное одеяние, которое с такой охотой изображают художники XV в.

Женский костюм того же времени намного превосходит мужской по своей пестроте, сложности и дороговизне. Платье декольтируется, причем нередко вырез на груди и на плечах достигает размеров, способных смутить даже не слишком строгого моралиста, пояс на свободно лежащем платье поднимается чрезвычайно высоко, обрисовывая грудь, парча, дорогие меха, драгоценные камни в самых разнообразных комбинациях украшают наряд, увеличивая его цену часто до громадных размеров.

Церковь неоднократно пыталась бороться как с излишней дороговизной, так и с безнравственностью женских мод, но, не имея надлежащих средств принуждения, вынуждена была к середине XV в. сдаться. Значительно более серьезной, длительной и ожесточенной была борьба с дороговизной и безнравственностью одежды, которую вели буржуазные городские управления сначала Италии, а затем и всех остальных стран Европы. Однако женщины организуют настоящую войну против их распоряжений. Два века с лишком продолжалась эта борьба за моду, назначались штрафы, проводились судебные процессы, но в конце концов женщины победили, и в XVI в. запреты становятся все более и более редкими.

Одновременно с переменами в модах замечается вообще значительный рост заботы мужчин и особенно женщин о своей наружности, резко увеличивается применение косметических снадобий: мазей, притираний, пудры, румян. Недаром новеллист Саккети в одном месте пишет: «Флорентийские женщины стоят по искусству выше величайших художников и скульпторов, ибо ясно видно, что они исправляют недостатки природы. И если не верите мне, — продолжает писатель, — оглядитесь кругом, и вы не найдете ни одной смуглой женщины. Это не значит, что природа сделала их белыми, а просто, что большинство смуглых сумело сделать себя белыми. Так обстоит дело и с лицами их, и с фигурами, которые становятся красивыми, благодаря опытности и искусству, как бы кривы и безобразны они ни были». Широкое применение косметики создает определенные требования, предъявляемые к наружности, — волосы красивой женщины должны быть обязательно светлыми, золотистыми. Их мажут снадобьями, рецепты которых создаются сотнями, а затем, надев особую шляпу с громадными полями, предохраняющими лицо от загара, и с круглым отверстием в середине, часами высиживают на плоской крыше или балконе, беля и подсушивая новоприобретенные золотистые кудри. Брови должны быть тонкими, обрисовывающими высокую дугу на высоком гладком лбу, и их выщипывают начисто, точно так же выщипывают примыкающую ко лбу часть волос, рисуя искусной кистью то, чего требует мода.

Вообще «светский» человек все в большей степени становится рабом этого нового слова «мода». Нелегко проследить, когда именно и где создаются моды каждого данного, становящегося все более коротким отрезка времени, но раз создавшись, они распространяются среди привилегиро-

ванных слоев общества в большинстве стран Западной Европы с быстротой, поистине поразительной. С конца XIV в. гегемония в области моды переходит от Франции к Италии, общепризнанной руководительнице во всех областях культуры и быта на протяжении всего последующего века. К началу XVI в. руководство модой переходит к Испании. Насколько важное значение придают тогда моде, иллюстрируется таким, самым по себе мелким, но весьма показательным фактом. В 1515 г. французский король Франциск I просит особым письмом Изабеллу д'Эсте послать ему куклу, одетую по последней, введенной ею моде для того, чтобы дамы французского двора могли перенять эту моду. В дальнейшем взаимная посылка кукол, являющихся как бы своеобразным модным журналом, практикуется широко и почти повсеместно.

Изысканность и богатство одежды, частые смены моды, широкое применение косметики — все это нередко уживалось с грязью, неряшеством, нарушением элементарных правил гигиены. Один из корреспондентов Изабеллы д'Эсте в письме к ней таким образом характеризует французских женщин: «Женщины здесь немного грязноваты, не без коросты на руках и некоторых других признаков нечистоплотности, но у них красивые лица, хорошие фигуры, и они весьма милы». Однако и в этой области можно отметить некоторые сдвиги. Значительно в большей степени применяется белье, особенно ночное, почти неизвестное более раннему времени. В инвентарях XV — начала XVI в. постоянно упоминаются носовые платки, да и самый термин этот появляется в это время. Делается более современной манера еды: кое-где появляются вилки. Правда, все эти мелкие культурные навыки из аристократических слоев итальянского общества довольно медленно распространяются на другие страны (во Франции, например, еще в начале XVI в. обычай сморкаться пальцами был общепринятым даже при дворе) и еще медленнее становятся достоянием народных масс.

